

Глава 31. Всё как на ладони

В задней горной части Школы Хуавэй не было ни мощёных ступеней, ни удобных дорог — лишь несколько извилистых тропинок, почти скрытых густой травой и разросшимися деревьями, потому что сюда редко ступала нога человека.

Хотя солнце уже поднялось высоко и светило в полную силу, стоило войти в эту часть горы, как человека тут же накрывала плотная сень древних исполинских деревьев — будто идёшь не по лесу, а по дну чёрной бездны.

По этой тропе, куда почти не проникал дневной свет, плечом к плечу шли Истинный Сюйюнь и настоятель Обители Пурпурных Облаков, Истинный Цинвэй.

Никакой привычной торжественности, никакой пышности, достойной главы школы и могучего мастера, сегодня при них не было; следом шли лишь двое молодых культиваторов.

Оба держались с достоинством, шагали ровно и спокойно, но в глазах у них таилось ожидание — живое, сияющее.

На одном был тёмно-синий ритуальный халат с тонким, затейливым узором — видно, юноша тщательно готовился к этому визиту; второй был облачён в даосское одеяние густого фиолетового оттенка, скромное и чистое, отчего казался не по годам серьёзным.

Кто хоть раз видел учеников, идущих на главное испытание своей жизни, сразу бы понял выражение на их лицах.

В конце тропы между тёмно-зелёными древними кипарисами прятался маленький двухэтажный домик с облупившимся киноварным лаком.

Все четверо остановились.

Истинный Цинвэй обернулся к двум молодым культиваторам и ровно произнёс:

— Есть ли у вас эта судьба или нет — решено небом. Не пытайтесь вырвать её силой.

Истинный Сюйюнь был строже:

— Если всё выйдет — будет к лучшему для всех. Если же нет, вам тем более нельзя допускать в сердце ложных желаний, нельзя цепляться и упорствовать. Запомнили?

Оба опустили глаза и почтительно ответили:

— Да.

Истинный Цинвэй посмотрел на маленький домик, глубоко вдохнул:

— Хорошо. Я первым пойду засвидетельствовать почтение старшему дяде-наставнику...

— Старший брат-настоятель!

Его перебил женский голос — внезапно, даже невежливо, зато чисто и звонко, как трель иволги в горной долине.

Из домика, улыбаясь, выбежала девушка в платье цвета гусяного пуха:

— Вы ведь пришли увидеться с учителем?

У неё были круглые глаза, круглое лицо, мягко изогнутые брови. Черты нельзя было назвать ослепительно прекрасными, но в ней жила особенная, редкая живость.

Она оглядывалась по сторонам, как птенец, впервые выглянувший из гнезда. И от одного её появления тёмный, торжественно-тихий горный домик словно озарился светом.

Оба молодых культиватора поначалу лишь нахмурились про себя: как это возле Демона ци может служить такая не знающая приличий девчонка? Кричит, шумит — что за несурезица?

Но когда девушка подбежала ближе и они встретились с ней взглядом, не только всякое раздражение рассеялось без следа — у обоих невольно возникла улыбка. Им даже подумалось, что будь рядом такая живая, ясная, простодушно-миловидная младшая сестра по школе, подающая чай и подносящая камни для ци, весь трудный путь к бессмертию и само искусство игры в ци стали бы куда легче и радостнее.

Истинный Цинвэй с улыбкой сказал:

— Младшая сестра Ли, мы с главой Сюйюнем всё думали о старшем дяде-наставнике и потому пришли навестить его. Но мы, старики, косноязычны и скучны, боимся ненароком ему не угодить...

По его тону казалось, будто только сейчас он и заметил Истинного Сюйюня и двух молодых культиваторов и лишь теперь обменялся с ними приветствиями.

Истинный Цинвэй продолжил:

— А вот эти двое младших кое-что смыслят и в формациях, и в искусстве ци. Может, позволить им войти и сыграть со старшим дядей-наставником пару партий, чтобы развеять его скуку? Я уже посмотрел на их судьбу искусством созерцания ци — обоим суждены великие превращения. Чжао Линь, Яо Ань, подойдите и поприветствуйте старшую сестру Ли.

Это «кое-что смыслят» было, конечно, чистой скромностью. Кто, если не редчайший гений, осмелился бы появиться перед Демоном ци?

Чжао Линь в синем халате и Яо Ань в фиолетовом даосском одеянии уже собирались выйти вперёд, но девушка лишь рассмеялась:

— Вы слишком любезны. Как я могу считаться ученицей учителя? Учитель просто в летах, рядом с ним нужен кто-то, кто подаст чай, принесёт камни для ци, лекарство, развлечёт разговором. Настоящему его искусству я не обучилась и на малую долю, так что слова «старшая сестра» я недостойна.

Услышав это, оба, хоть и не посмели выказать легкомыслие на лице, всё же про себя тотчас принизили её.

Но девушка тут же мягко сменила тон:

— Однако вам не повезло со временем. Учитель всё ещё болен, только что принял пилюли и велел пока никого не принимать. Простите за невежливость!

Приказ удалиться был чистым, вежливым и окончательным.

Истинный Цинвэй и Истинный Сюйюнь ничуть не изменились в лице, словно вовсе не были разочарованы. А вот лица двух молодых культиваторов моментально вспыхнули.

Они-то боялись, что сегодня покажут себя недостаточно хорошо, а оказалось — им даже не дадут переступить порог.

Во всём мире культивации знали: Демон ци болеет уже много лет. А если человек, который болеет так давно, ссылается на болезнь, чтобы отказать гостю, значит, ему просто лень подыскивать иную причину.

Слушая звонкий голос девушки, Истинный Сюйюнь вдруг испытал укол зависти.

Он завидовал не тому, что Демон ци болен уже столько лет. Завидовал он совсем иному — той прямоте, с какой тот мог это сказать. Потому что всё ещё оставался достаточно силён и не боялся, что люди узнают, сколько раз в день он принимает лекарство.

Потому он и мог жить по принципу: нет ничего такого, чего нельзя было бы сказать людям.

А он сам? После неудачного прорыва он не осмелился никому объявить об этом открыто и лишь тайно отправил доверенных людей искать серебряный лотос Мёртвого моря. Но об этом всё равно узнал Сянь Цзяньчэнь и даже послал передать ему насмешливое слово через ученика внешней школы, публично ударив по лицу.

Вот она, подлинная норма жизни культиватора — бесконечные опаски, как у него самого. Нельзя позволить себе заболеть. Нельзя показать рану. Нужно бояться, что явится сильный враг. Бояться, что положение зашатается.

Истинный Цинвэй произнёс:

— Простите за беспокойство. Мы тогда отклоняемся.

Яо Ань так и застыл на месте, явно желая что-то сказать, но не решаясь.

А Чжао Линь, натянув привычную улыбку, которой заговаривают с женщинами-культиваторами, начал:

— Фея, мы...

Но Истинный Цинвэй внезапно рявкнул:

— Что я сказал вам раньше?

Двух юношей тряхнуло от его давления. Оба побледнели, в спешке поклонились и поспешили удалиться.

Истинный Сюйюнь с привычной мягкостью попрощался с девушкой и напоследок ещё раз посмотрел на маленький домик, скрытый среди цветов и деревьев.

Всякий раз, когда ему начинало казаться, будто он уже поднялся достаточно высоко, будто, заняв Хуавэй, может взирать свысока на четыре моря, тени этих старших вновь падали ему на голову и придавливали к земле.

Столько лет болеет... так когда же наконец умрёт?

Где сейчас Сянь Цзяньчэнь — и когда уже соизволит умереть он?

Когда они пришли, оба молодых культиватора держали головы высоко; уходили же,

понурившись.

Истинный Цинвэй холодно утешил их:

— Не падайте духом. Готовьтесь как следует к Испытанию игры в ци на Изыщном Собрании «Достичь известности». С вашими дарованиями и вашей судьбой, даже если эта возможность вам не достанется, в будущем путь к бессмертию всё равно будет гладким.

Яо Ань лишь горько усмехнулся. В душе он думал: это, конечно, так, но по сравнению с возможностью унаследовать учение такого человека все прочие шансы — лишь второсортные тропинки.

Чжао Линь вздохнул:

— Интересно, какого же ученика старший действительно хотел бы принять?

Девушка в платье цвета молодой жёлтой глины прижимала к груди огромный букет полевых цветов и лёгкими прыжками вбежала обратно в домик.

— Учитель, я их отослала!

Сидевший за столом старик в чёрном обернулся на голос и улыбнулся:

— Хорошо справилась.

Мудрец каллиграфии, казалось, всегда держался с изысканным достоинством, всегда был одет безупречно, в белоснежное платье, не знавшее ни пылинки. Этот же старик был его полной противоположностью: вечно сонный, иссохший, болезненный, словно не мог окончательно проснуться.

Девушка с любопытством спросила:

— А по-моему, те двое были не так уж плохи. Неужели вы и правда не захотели хотя бы взглянуть на них?

— И чем же они хороши?

Девушка, не задумываясь, выпалила:

— Лицом хороши! А вот в ци, наверное, нет — меня бы точно не обыграли.

Старик громко расхохотался. Девушка выложила на стол охапку полевых цветов, и они сели напротив друг друга плести венки. Больше походили не на учителя с ученицей, а на деда с внучкой.

— Вчера ночью прошёл дождь, и сегодня с утра вся гора в цвету! — радостно сказала девушка, стряхивая с лепестков прозрачные капли.

Старик вдруг произнёс:

— Вообще-то вчера дождя быть не должно было.

— Что?

— Дождь пошёл потому, — сказал старик, — что кто-то ждал.

Девушка растерялась:

— Если сила чувства способна дать знать о себе небу и земле, значит, у того человека должно быть очень высокое совершенствование?

— Не обязательно. — Старик покачал головой и хотел было что-то добавить, но вдруг зашёлся таким тяжёлым кашлем, будто собирался выкашлять внутренности.

Девушка привычно похлопала его по спине, помогая перевести дух, и подала лекарственный чай.

— Учитель, я слышала, что Фей Мяо Янь сейчас в бамбуковом море за задней горой. Может, позвать её, чтобы она сыграла для вас и помогла упорядочить духовную энергию?

Старик махнул рукой:

— Не надо! Не помру, не помру!

Но тревога с лица девушки не исчезла.

Наконец он отдышался и всё так же с улыбкой сказал:

— Сяо Ли, древние мудрецы говорили: когда Небо хочет возложить на человека великое дело, оно прежде закаляет его дух и истощает тело. Все эти годы я терплю болезни и мучения — всё это копится мне в заслугу на будущее!

— А вы ещё и шутите. Что же это за благодать такая, ради которой учителю приходится терпеть столько страданий?

Демон ци посмотрел в окно.

За слоями облаков смутно виднелись золотые карнизы Летающей облачной башни.

— А как же иначе? — сказал он. — Пережить всех старых бессмертных, взять в ученики лучшего из всех учеников на свете и привести его сыграть партию у могилы Любвеобильного!

***

К сумеркам ученики внешней школы возвращались с работ.

У ворот двора Суна всё гуще становился поток людей, и вскоре вдоль усыпанной цветами дорожки вытянулась длинная очередь.

Это было ежедневное, строго отведённое время для вопросов.

Если прийти раньше, старший брат Сун ещё работает в поле и головы не поднимет. Если позже — старший брат Мэн уже разводит огонь и ставит лапшу, а там и выставит за дверь так, что мало не покажется.

Один мешок семян — один вопрос. Задал, поклонился, сразу вышел. Никто не смел расточать это время впустую — ни своё, ни чужое.

Нельзя шуметь. Нельзя лезть без очереди. Нигде это не было записано, но ученики давно молчаливо возвели эти правила в закон.

Лишь сегодня случилось исключение.

В очередь затесался незнакомый культиватор — жалкий на вид, в поношенной одежде. Из-за подозрительного вида его едва не избili, заподозрив, что он замышляет недоброе против старшего брата Суна.

Тот торопливо принялся оправдываться:

— Даосы, не бейте! Я культиватор школы Кун'у с острова Трёх гор за морем, я тоже прибыл на Изящное Собрание «Достичь известности»! Вот приглашение, смотрите!

Он без конца вытаскивал из пространственной сумки всякую всячину: карту морских островов,

судовые бумаги, деревянную дощечку с эмблемой школы и прочий хлам.

Чжоу Сяюнь взяла у него только приглашение, быстро проверила и, убедившись, что всё в порядке, велела остальным остановиться. После чего с недоумением спросила:

— Даос, гостевые залы находятся во внутренней школе, на горе. Здесь внешняя школа. Что вам понадобилось у нас?

Человек всё ещё прикрывал голову руками и сторбленно ответил:

— Я слышал, что у вас тут можно принести мешок семян, найти старшего брата по фамилии Сун — и он поможет оценить сокровище и разъяснить непонятное?

— У старшего брата Суна время на ответы ограничено. Если у вас есть вопрос, лучше возвращайтесь в свою школу и спрашивайте старших у себя дома! — кто-то недовольно махнул рукой, желая поскорее его отослать.

Другие ученики даже засмеялись про себя: интересно, из какой глухой школы и какой нищий культиватор мог явиться сюда, если живёт хуже, чем они, ученики внешней школы.

Но тут тот человек вдруг ударил себя в грудь, затопал ногами и завыл:

— Уже не у кого спрашивать! Из всей моей школы сюда добрался только я один!

— А? А где остальные?

Все недоумённо переглянулись, не понимая, отчего он так разошёлся.

— На море налетела волна морских зверей — всех в Мёртвом море и сгубило! — закрыв лицо рукавом, он и впрямь всхлипнул. — Во всей школе у нас, если считать мальчишку при алхимической печи, всего-то десять человек было!

На полуслове в его речи невольно проступил родной говор:

— Учитель говорил, не ждал он, что мы там прославим предков, — лишь бы разок мир повидали да живыми домой вернулись! Эх, знал бы наперёд — ни за что бы в море не вышли. Горькая у меня, Ван Тугэня, судьба... Небесный Дао-отец вовсе не милостив...

Молодые ученики внешней школы тут же растерялись.

В этом плаче было что-то странно заразительное: не поймёшь почему, а в груди сразу

поднималась кислая горечь — будто и сам попал в ту же беду.

Чжоу Сяюнь протянула ему платок:

— Даос, перестаньте плакать, переведите сперва дух. Зачем вам вообще понадобился старший брат Сун?

Ван Тугэнь кое-как вытер лицо, и в его глазах вновь вспыхнула надежда:

— У нашей школы есть одно сокровище — ещё от предка-основателя осталось. Учитель и сам не знает, что это за штука. Я хотел попросить старшего брата Суна назвать цену. Если удастся выручить хоть на дорогу обратно — я его продам!

— В Городе Хуавэй есть ломбарды, — предложил кто-то из учеников.

Но тут же другой возразил:

— Он же человек простой, да ещё и заморский. Да разве осмелится сунуться в большой ломбард? Его там только и ждут, чтобы обмануть.

Ван Тугэнь поспешно закивал:

— Верно, верно! С тех пор как я сюда приехал, каждый день только и слышу, какое доброе имя у старшего брата Суна. Вот я ему и поверил.

Чжоу Сяюнь отвела его в самый конец очереди:

— Тогда подожди здесь. Если старший брат Сун успеет закончить с остальными и ещё не сядет есть лапшу, я сама тебя проведу.

— Хорошая фея! Да вы живая бодхисаттва!

— Только не кланяйся мне. Младший брат Ли, сходи в Библиотеку и возьми для этого даоса Вана «Пособие для заморских культиваторов по предотвращению мошенничества на берегу».

Ван Тугэнь принялся без конца благодарить и, подбегая к каждому, складывал руки в поклоне.

Кто бы мог подумать, что, кланяясь и извиняясь, он при этом без малейшего шума изучает всё вокруг — обстановку внешней школы и реакцию каждого ученика.

Каждая травинка, каждая ветка у ворот двора Суна уже отпечатались в его взгляде — и прочно улеглись в памяти.

<http://bllate.org/book/16982/1587784>